

И. С.  
АКСАКОВ

Сочинения



Иван Сергеевич Аксаков

## Письмо Касьянова из отечества

«Я нашел такую перетасовку целых партий и лиц, что до сих пор не могу ориентироваться или опознаться, – не могу даже отыскать до сих пор многих моих приятелей. Некоторые из них, которых я отыскивал *долу*, очутились *горе*, на высоте недосягаемой, – некоторые, на которых я смотрел до сих пор как на своего брата-прапорщика, теперь глядят почти генералами, так что вселяют даже нечто вроде страха и робости. Вкусы переменялись значительно. Что прежде претило, то уже не претит...»

**Иван Сергеевич Аксаков**  
**Письмо Касьянова из**  
**отечества**

Я имел бы полное право сложить с себя неблагодарное звание вашего корреспондента, потому что столько писем моих из-за границы вы оставили ненапечатанными, но:

*Я к вам пишу: чего же боле?*

Решаюсь прервать мое молчание и начать снова ряд писем – только теперь не из-за границы, а изнутри границ нашего отечества, не из «прекрасного далека», а увы, из непрекрасной и даже очень невзрачной близости. Где я и откуда вам пишу – что вам до этого? Довольно с вас знать, что я обретаюсь «под гарантией» – следовательно, под воздействием законов Российской Империи (куда, впрочем, глубокомысленная догадка редакции «Московских Ведомостей» поместила и вас, и весь славянофильский кружок, состоя, вероятно, сама, с своими «Московскими Ведомостями», вне общих законов Российской Империи...).

Что же делается в нашем любезном отечестве? Что нашел я по возвращении в Россию? Это вопрос такого щекотливого свойства, что лучше было бы его и не поднимать. Но так как он уже выскользнул из-под пера, то отве-

чу вам как можно короче и категорически.

Я нашел необыкновенный разлив патриотизма, как бы некий разлив реки, затопивший берега и покрывший все кочки, ямы и трещины одною гладкой поверхностью воды. Забыты старые счеты, обиды, недоумения, неразъясненные противоречия,

*Неразрешенные вопросы  
И неразгаданные тайны...*

Все это оставлено или отложено, или сдано в архив без закончания, все как будто примирено, сглажено, все мучительное, все болезненное как будто уврачевалось патриотизмом. Я говорю не про что другое, а именно про «патриотизм» – слово, по вашему замечанию, на русский язык непере译имое. Действительно, выражения: «любовь к русской земле», «любовь к народу», «чувство или сознание своей народности», не выражают вполне сущности «патриотизма». Это такое чувство, которое, вместе со словом «патриотизм» и вместе с другими иностранными словами водворилось у нас, при Петре Великом, в одно время с созданием Российской Импе-

рии. Оно и в настоящее время имеет в виду преимущественно ее внешнее могущество, внешнюю целость и внешнее единство, – так что, если ничто этим условиям ее бытия угрожать не будет, я и не знаю, что станет делать с собою патриотизм? В чем будет проявлять свою службу?.. Как ни сочувствуем мы патриотизму, не мешало бы, может быть, прибавить к нему немножко любви и разумения русской *народности* собственно и ее начал, а впрочем, это мое личное мнение, и не мое дело судить, в какой степени отвечает этим требованиям понятие о патриотизме как о государственной доблести... Кстати: это слово теперь в таком ходу, что недавно один гостинодворный сиделец, приехавши ко мне со счетом из лавки и посмотрев на портрет Ивана Грозного, сказал после минуты глубокомысленного молчания: «Да-с, в свое время был *патриот*...» Что понимал он под этим и почему возвел он Ивана Грозного в звание русского патриота, я не добрался толку, – но ручаюсь вам, что это не выдуманно мною, а истинный факт...

Я нашел такую перетасовку целых партий

и лиц, что до сих пор не могу ориентироваться или опознаться, – не могу даже отыскать до сих пор многих моих приятелей. Некоторые из них, которых я отыскивал *долу*, очутились *горе*, на высоте недосыгаемой, – некоторые, на которых я смотрел до сих пор как на своего брата-прапорщика, теперь глядят почти генералами, так что вселяют даже нечто вроде страха и робости. Вкусы переменялись значительно. Что прежде претило, то уже не претит. Что казалось невозможным, то потом ничего! Попробовано и найдено *можным*. Сначала, пока я не приноровился, я попадался беспрестанно впросак и, вероятно, прослыл у многих за отсталого. Помню однажды, подсел я к одному кружку и по старой привычке, знаете – при слове, кстати отозвался об Австрии непочтительным образом. Смотрю: никто не подругивает, так что мне стало неловко, как будто я сделал какую-то бестактность!.. Даже один из присутствовавших заметил мне, что ведь в настоящее время Австрия, хотя конечно, но... почему же... союз с нею и т. д. Всмотрелся я в него: оказался знакомый и даже автор статьи, несколько лет

тому назад, против Австрии и ее интриг... Встречаю приятеля: несу ему доклад о Славянских землях, мною только что осмотренных, веду речь, как водится, о народах, о национальностях... У приятеля уши заложены, – а давно ли?.. Вообще я должен сказать, что встретил в обществе, благодаря, вероятно, стараниям журналистики, чрезвычайное развитие политического смысла и патриотического практицизма, практицизма довольно смелого, для которого теория, идеальщина (как выражаются практики), отвлеченные принципы не более, как старое ненужное тряпье. Сложимте-ка его в сундук поскорее, почтенный редактор: ведь у нас – что греха таить – этого припасено было много!..

Затем я нашел не менее широкий разлив либерализма, с тою разницею, что он, вопреки естественным законам всякого разлива, покрыл собой одни верхушки: Арараты залиты водою, а низменность суха. Простой народ вовсе и не глядит либералом: я нахожу, что это преудобно! Вы ко всему этому присмотрелись, а для меня, так давно не бывавшего в России, все это было ново и даже умилитель-



но. Наружность Петербурга, например, все та же, и тот же шпиг адмиралтейства, та же Нева, та же Петропавловская крепость, тот же Исакий, та же масса чиновников и военных, — но и чиновники, и военные имеют в манерах своих что-то эдакое, либеральное, расхаживают по улицам с такою либеральною развязностью, что иностранец-путешественник решительно должен почувствовать себя в земле свободы чуть не в Англии... Я понял увлечение г-на Скарятин, издателя газеты «Весть», вообразившего себя в Петербурге, даже среди петербургской зимы, под жарким небом Италии, чуть-чуть не на берегу Средиземного моря, издателем какой-нибудь туринской газеты... Да-с, по серьезному уверению некоторых петербургских чиновников, не то что француз, но сам англичанин нам завидует или скоро должен позавидовать. Вообще я подметил в чиновническом мире нечто похожее на авторское самодовольство, на то чувство, которое порождается в человеческом сердце «авторством». И немудрено: едва ли есть хоть один не слишком мелкий чиновник, который бы не был автором нескольких либеральных

проектов и членом нескольких комиссий. Мало того. Вы помните, как Манилов утопал, обыкновенно после обеда, в сладких мечтах о том, что начальство, узнав о его дружбе с Чичиковым, произведет их обоих в генералы. Нечто подобное встретил я и теперь в своих разъездах по России, с тою разницею, что Манилов наших дней мечтает уже о том, что начальство, узнав об его либерализме, произведет его в генералы...

В литературе... в литературе я нашел очень хорошее настроение. Я разумею собственно журналистику или публицистику: другой литературы, кажется, теперь и в заводе нет. Кроме малых исключений, так все это слажено, такая согласная музыка труб и литавр, что за этими звуками других почти и не слышно. Что-то такое торжественное, как добрая полковая музыка, все марши и кантаты, все в мажорном тоне. Литературные тамбурмажоры так это грациозно и вольно помахивают палочками... Да, совсем другой тон в нашей литературе, чем прежде. Прежде к ней могли примениться эти два стиха:

*И вся полна болезненного стона,*

*Ее душа не знает угомона,*

а теперь, по-видимому, нет ничего болезненного и она цветет здоровьем. Я говорю «по-видимому», – говорю, по первому впечатлению. Такой *aplomb* развился в ней! Так это она рассуждает с достоинством, с таким сознанием своего общественного значения и силы, – все это «мы», «мы», «мы». «Мы, говорит, гордимся патриотизмом русской *прессы*»... «Мы, говорит, желали бы спросить английскую прессу, почему она себе позволяет то и то»... Уверяют даже, что английская пресса начинает потрушивать.

Заглянув в газеты по возвращении, всмотревшись в их независимые приемы и аллюры, я невольно воскликнул: «Европа, настоящая Европа!» (Этот комплимент, впрочем, к вам уже никак не относится: «Голос» объявил недавно, по поводу вашей статьи о иезуитах, что от вас веет ему и прочим чинам российской прессы, *татарщиной*). Да и как же не Европа! Развертываю одну газету и читаю:

«В социальном и артистическом отношении блистательны были оба раута князя А. М. и по случаю обоих любезность и вниматель-

ность его к прекрасному полу была положительно неистощима... Князь имеет, по крайней мере, столько же почитательниц, как и почитателей. Зная, сколь князь приветлив и как он всегда успеет разглядеть цветок, приколотый к стати и платью, которое к лицу, наши великосветские дамы много истратили изобретательности, вкуса и денег, соперничествуя в изыскательности нарядов и причесок по поводу обоих этих раутов. Царицею первого была княгиня Е. П. К.[1] На втором общее внимание возбудила идеальная красота юной княгини М. С. Д. Княгиня была этот раз положительно осыпана бриллиантами, а она и без того ослепительно хороша»...

Далее рассказывается про туалет княгини О., про голубое платье графини М. И. О. С. и пр., пр., говорится, что князь истинный меценат, и что между прочим на первом рауте в нынешнюю зиму был у него г. Феокистов...

Да по-русски ли это писано? Не мерещится ли мне, – спросил я сам себя. Не читаю ли я «nouvelles de high-life» в «Le Nord»? Весьма по-русски, вот оно даже наше *сколь!* Это наша русская патриотическая фешенебельная газе-

та «Весть», издаваемая тем самым господином, что воображает себя в Петербурге под жарким небом Италии, – это ее N 14-й, от 5 апреля, стр. 14 и 15, и тут же на 15-й странице помещено известие о «переселении Польской шляхты», по распоряжению правительства, в Самарскую губернию...

Европа, настоящая Европа!.. Беру другую газету и читаю статью против вывозных пошлин: негодование на протекционизм, негодование на систему охранительных пошлин, негодование на Францию за ее высокий тариф на тряпье, имеющий целью поддержать бумажные фабрики, и изъявление надежды, что Франция скоро одумается и последует за другими образованными народами... Прекрасно, но почему же Франция хочет поддержать бумажные фабрики? Потому, говорит газета, с иронией глубокого презрения, что «в стране этой, где печатание и книжная торговля подчинены правительственному контролю и постоянно находятся под страхом взыскания, доходящего до совершенного запрещения – ограждение тряпья от иноземных покупателей составляет род вознаграждения. Но

есть основание предполагать, что это стеснение свободной торговли не будет продолжительно» и проч. Кто же это говорит таким образом и так метко подшучивает над Францией? Вы думаете: «Times», «Economist» или другая газета – газета страны, где бумажные фабрики не подвергаются, конечно, подобным опасностям?.. Это говорит «Journal de St.-Petersbourg», или, вернее сказать, «Северная Почта», поместившая у себя эту статью в переводе и из которой мы сделали выписку (в 78-м N от 5 апреля, стр. 1, столбец 6-й, 21 строка снизу). Что за притча, подумал я..., да чего же вы-то, г. редактор «Дня», все жалуетесь? Подумал и перешел от «Северной Почты» к «Эпохе» – новому журналу, заменившему собою прежнее «Время»...

Я нашел, что нигилизм в литературе очень присмирел, но зато является в других сферах, в другой своеобразной форме... «Вот видите ли, – говорил мне один немаловажный чиновник, – мы тут придерживаемся особой системы. Вот, например, французская революция? Отчего она разыгралась? Оттого, что противились движению, вместо того чтобы

овладеть им, стать во главе и повести его послушно по дороге правильного прогресса. Так и с нигилизмом. Надо стать во главе нигилизма, облечь его в известную приличную одежду и он будет наш, будет добропорядочный, полезен службе и государству». – «Умные речи приятно и слушать, – отвечал я, но едва ли вы совладаете с таким явлением, как нигилизм: вы знаете, что иногда лучше, чтоб болезнь высыпала наружу, – как ни безобразна эта сыпь сама по себе. Если же для благообразия вы вгоните сыпь внутрь, то последствия могут быть гораздо опаснее...». Но мой приятель нашел, вероятно, что мои речи не умные и что их слушать совсем неприятно...

Нигилизм... Знаете ли что, по рассказам, случилось недавно в одном из уголков нашего пространного царства? Некоторые мальчики в одном из общественных заведений (казенных или частных – не знаю), приглашенные своим училищным начальством говеть – объявили священнику, что они нигилисты и говеют только по приказанию, – вследствие чего, конечно, священник и не допустил их до таинства. Скандал был великий, благочести-

вые души местечка Я. были смущены, а местное начальство пришло в негодование. Мне первый поведал это мой приятель г. *Оглы*, городничий, – лихой малый из некрещеных татар, служивший гусаром в С. полку. Так вот этот г. *Оглы* первый возвестил мне это событие, которое вслед затем подтвердил мне и *Пуффендорф*, его помощник, немец и лютеранин. – Я было не поверил рассказу, но ужас, написанный на лицах гг. *Оглы* и *Пуффендорфа*, как официальных ревнителей «порядка», говорил убедительнее всех доказательств. Но отчего так возмутились и вознегодовали мои добрые приятели-чиновники? Оскорбились ли они за веру, за православную церковь, взволновало ли их такое явное неуважение к ее обрядам и таинствам? Да вы за что сердитесь? – спросил я. «Помилуйте – ведь это нарушение дисциплины, ведь это...» и пр., и пр.; вот что было ответом *Оглы* и *Пуффендорфа*: «Ведь их свободы совести никто не стесняет, может, отцы их и не крепче были в вере, да все же ведь говели и свидетельства о говенье получали, и штрафу не подвергались»... – прибавляли еще мои друзья татарин и немец.



И все же мне как-то не верится, мне не хочется верить, чтобы действительно все это было так, как мне рассказывали. Но если событие верно, то тут уже, конечно, не до шуток, и нельзя не видеть в нем очень и очень печального признака времени – симптома важной внутренней болезни... Подобные явления роют глубже и глубже пропасть, разделяющую образованное общество от простого народа, подрывают в простом народе доверие к нашему просвещению, к науке, удерживают его еще крепче в невежестве и коснении... Вот каким пышным цветом расцвела ваша цивилизация, скажет он... Стоит идти за вами и добиться тяжким путем вашего просвещения, с тем чтобы в конце концов прийти к отрицанию этого просвещения и к венцу отрицания – какому-то нигилизму. Но что это за болезнь? Самостоятельная ли болезнь или, быть может, от лекарств, предупреждавших развитие какой-нибудь другой болезни? «Не послать ли за доктором, не позвать ли полицию?» – говорят встревоженные читатели... Поймите, не горячитесь: ни ваши патентованные доктора, ни полиция тут не помогут.

Пораздумайтесь-ка посерьезнее над этим фактом. Откуда взялся он у нас на *Святой Руси*? Кого винить?.. Странно, кажется, винить плод, цвет, избавляя от всякой ответственности семя или корень... Мы пожинаем лишь то, что сами так долго сеяли. И неужели же вы ожидали чего-нибудь другого?.. Скажите по совести: посещая 60 танцклассов Санкт-Петербурга, признавая эти заведения не бесполезными в некотором отношении и даже соответствующими условиям благонамеренной цивилизации и общественной нравственной гигиены, – неужели воображали вы, что такое, в танцклассах воспитанное, общество разовьет в себе христианские добродетели и гражданские доблести?.. В «Московских» и «Русских Ведомостях» мы читали описание, как начальство Московского Императорского театра, пользуясь монополией маскарадов и тем женским персоналом, который оно имеет под рукою в подвластном ему театральном училище, устраивало нынешнею зимою маскарады на славу, одевало молодых, еще самых юных девиц в костюм дебардеров парижской оперы и производило отплясывание

канканов, – в размерах... колоссальных, и в таком виде, что, по уверению обеих газет, от такого канкана содрогнулась бы и нравственность парижского бальмабиля? Если такое развлечение вы признаете полезным, если считаете несравненно благонравнейшим плясать в канкане, нежели, например, писать статьи о польском вопросе, то чего же вы возмущаетесь? Чего же вам нужно? Компромиссов? Сделок? Благоразумного лицемерия? Уж не возвратиться ли опять к системе, теперь отмененной, штрафов за неговение, не объявлять ли вновь чиновников выхлопатывать свидетельства о бытии у исповеди и Св. Причастия? Так ведь делали *отцы*?

В том-то и дело, что, возмущаясь против *детей*, мы забываем, что в грехе детей виноваты и *отцы*. В том-то и дело, что мы не входим в подробное расследование причин, почему именно молодежь такая, а не иная. Не уронили ли мы сами значение церкви, придав ей значение функции, ей несвойственной? Не унизили ли мы церковь в наших понятиях до степени орудия, служащего мирским – внешним целям? Не подорвали ли мы

сами авторитет этой области духа и слова – неуважением к духу и слову и ограждением этой области, то есть церкви, внешними, недуховными и несловесными силами? Не заграждаем ли мы сами уста правде? Не воспитываем ли мы лицемерия под видом благонравия? Не подкопались ли мы сами под корень всех нравственных общественных сил, лишив их всякой свободы и самостоятельности развития?.. Не посягали ли мы на *внутреннее* человека, возмечтав, что можем и имеем право создать официальным путем и способом нравы и нравственность?.. Если так думали и поступали прежде, то в наше время такое воззрение едва ли может не подлежать осуждению. И если попытки создать официальную нравственность привели общество к тому положению, о котором так часто рассказывается в «Дне», – то всякая попытка создать официальную религию (как того добиваются некоторые теоретики) должна неминуемо породить то самое отношение к церкви, которое так возмущает, тревожит, печалит вас, благочестивый читатель!

Но если вы точно благочестивы, читатель,

то именем церкви, именем святой истины, оградите чистое учение православия от всякой несвойственной ему примеси, от гнилых подпорок внешней силы, от внешних соображений, от служебного значения средства и орудия для посторонних мирских целей, от лицемерия, от официального усердия и покровительства городичного татарина *Оглы* и его помощника немца *Пуффендорфа*... Возвратите духу подобающее духу, воздайте слову подобающую ему честь, верьте в истину и ее силу, оградите ее Христовой свободой, не налагайте на государство несвойственное ему бремя забот о нравственности и религии, – и поверьте... гг. публицисты, фельетонисты и прочие, – нигилизм, который вас так пугает, скоро завянет на чистом свободном воздухе, от жгучих лучей солнца правды, не заслоняемого более... никакими ширмами... Болезнь в духе, и может быть излечена только орудием духа... Вспомните, что говорит поэт:

*И ты, когда на битву с ложью  
Востанет Правда дум святых,  
Не налагай на правду Божью  
Гнилую тягость лат земных.*

*Доспех Саула – ей окова,  
Ей царский тягостен шолом,  
Ее оружие – Божье слово,  
А божье слово – Божий гром!*

Поняли? Потрудитесь понять... распространяться было бы... излишне...

# Примечания

Ну, не татарщина ли мы с вами? В газете, из которой мы делаем выписку, имена всех дам прописаны сполна, а нас с вами удерживает какая-то глупая скромность, и даже при перепечатывании мы означаем имена одними начальными буквами? Татарщина! – Касьянов.

[^^^]